# КІЕВСКІЯ
# ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Іюня **№ 11.** 1863 года.

## ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.



# СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫХЪ МЕѲОДІЯ И КИРИЛЛА, ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ (*).

Нынѣ у насъ на всемъ пространствѣ Россіи великій и нарочитый праздникъ. Онъ есть часть торжества, которое въ нынѣшній годъ празднуется всѣми славянскими народами. Предметъ праздника—тысящелѣтіе христіанства въ странахъ славянскихъ и приснопамятные просвѣтители славянскіе—св. Кириллъ и Меѳодій.

Бываютъ въ исторіи лица и событія, заслуги и важность которыхъ оцѣниваются по достоинству лишь на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ лѣтъ, какъ будто самое ихъ величіе бываетъ препятствіемъ измѣрить ихъ вблизи. Таково событіе, и таковы лица, которыхъ память нынѣ нами празднуется.

(*) Сказ. 11 мая 1863 г. въ Кіев. Соф. каѳ. соборѣ—Свящ. А. Колосовымъ.

Что заставило въ нынѣшній годъ всѣхъ славянъ соединиться въ одинъ ликъ, чтобы почтить память св. Меѳодія и Кирилла? Прежде всего то, что къ настоящему времени мы, славяне, живѣе сознали то благодѣяніе, которое они намъ оказали, преподавши христіанство. Давно это было; тому тысяча лѣтъ, какъ блаженные братья Меѳодій и Кириллъ принесли къ славянамъ—Моравамъ въ славянскомъ переводѣ св. Евангеліе. Казалось бы, что заслуга ихъ должна была тотчасъ же быть понята, и по достоинству оцѣнена всѣми, до кого она относилась. Но нѣтъ; чтобы оцѣнить ее, нужно было вкусить плодовъ христіанства, а для этого нужно было глубже проникнуться имъ, усвоить его. Это усвоеніе могло совершиться не вдругъ. Жизнь цѣлыхъ племенъ не то, что жизнь частныхъ лицъ, и возрасты племенъ и народовъ опредѣляются не десятками, а сотнями лѣтъ и цѣлыми тысячелѣтіями. Чрезъ рядъ вѣковыхъ колебаній между новопринятымъ христіанствомъ и старымъ язычествомъ, между вѣрою и суевѣріями, между просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, при непрестанной борьбѣ съ препятствіями, составляющей удѣлъ не однихъ частныхъ лицъ, а и цѣлыхъ народовъ, славянскія племена съ нѣкотораго времени наконецъ успѣваютъ яснѣе понять, какой великій даръ онѣ имѣютъ въ христіанствѣ. Такъ, теперь мы всѣ, цѣлымъ нашимъ племенемъ, понимаемъ, какая бездна разстоянія между состояніемъ нашихъ предковъ, служившихъ мрачнымъ бездушнымъ идоламъ, и между нами, просвѣщенными свѣтомъ христіанскаго боговѣдѣнія, между пустыми бреднями и суевѣріями язычества, и высокими надеждами христіанства, между гнетущимъ невѣжествомъ перваго, и просторомъ, открываемымъ просвѣщенію послѣднимъ. Можетъ быть, мы, славяне, поняли это позже другихъ племенъ Европы, но то

вѣрно, что мы поняли это живѣе. Свидѣтель тому настоящій, не какимъ либо высшимъ авторитетомъ предписанный, а свободный общеславянскій праздникъ, какому еще не было примѣра среди другихъ племенъ Европы. Можетъ случиться, что и между славянами найдется еще не мало людей, неумѣющихъ цѣнить христіанства. Но это будетъ значить только, что въ массѣ племени или народа всегда могутъ оказаться недоросли, и люди, которымъ нужно еще созрѣть, чтобы стать въ уровень съ духомъ и характеромъ своего народа.

Впрочемъ, кто не чувствуетъ, что не одна память о началѣ нашего христіанскаго возрожденія заставляетъ насъ собираться нынѣ около равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, что независимо отъ трудовъ ихъ въ дѣлѣ христіанской проповѣди, намъ чувствуется въ именахъ ихъ что - то особенно къ намъ близкое, родное, кровное? Чтожъ бы это такое? И въ чемъ находитъ пищу это особенное сочувствіе наше къ этимъ святымъ лицамъ? Въ томъ, что эти св. лица сами горѣли сочувствіемъ къ намъ, особеннымъ, похожимъ на родственное. Оно - то внушило имъ не только то, чтобы сообщить намъ понятіе о христіанствѣ, но и чтобы преподать его намъ на нашемъ родномъ славянскомъ нарѣчіи, а для того предпринять труды по образованію самаго языка нашего. Не трудно и объяснить такое особенное сочувствіе ихъ къ намъ, къ славянамъ; они сами были славяне. Живя въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, принадлежавшей Константинополю, но населенной славянами, они были близко знакомы съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ своихъ единоплеменниковъ. Оно было очень не отрадно. »Славяне«, передаетъ одинъ изъ историковъ [1]), близкихъ ко времени Меѳодія

[1]) Черноризецъ Храбръ.

и Кирилла, »прежде (т. е. до Меѳодія и Кирилла) не имѣли книгъ, а читали по *чертамъ* и *рѣзамъ*, и занимались гаданіемъ, как язычники, а въ случаѣ крещенія должны были читать и писать по-гречески и римски, потому что славянская рѣчь была неустроена«. Послѣднее обстоятельство было причиною, что славяне съ давнихъ временъ, живя, такъ сказать, у самыхъ воротъ столицы христіанства, Константинополя, съ трудомъ знакомились съ христіанствомъ и продолжали жить въ языческихъ суевѣріяхъ. Св. Кириллъ жалѣлъ о своихъ соплеменникахъ, какъ человѣкъ высокаго образованія чувствовалъ въ себѣ силы помочь имъ и рѣшился на труды. Пригласивъ къ участію и старшаго своего брата Меѳодія, бывшаго начальникомъ въ близкой къ Константинополю Славиніи, онъ занялся славянскимъ языкомъ, изобрѣлъ славянскую азбуку, и предпринялъ перевести на славянскую рѣчь книги св. писанія. Трудъ великій; но труды не могли устрашать тѣхъ, которые горѣли желаніемъ посвятить всю свою жизнь единоплеменной братіи. Съ трудами св. братьевъ, по переводу слова Божія, въ уровень шла и дѣятельность ихъ собственно проповѣдническая; на понятномъ языкѣ св. вѣра становилась для славянъ понятнѣе и ближе говорила сердцу. Вызовъ св. проповѣдниковъ къ сродному славянамъ племени казарскому въ Крыму послужилъ для нихъ только случаемъ усовершиться въ дѣлѣ евангельской проповѣди. Чрезвычайный успѣхъ ея здѣсь и потомъ у славянъ Болгаріи былъ причиною, что въ слѣдъ же за тѣмъ святыхъ братьевъ зовутъ для той же цѣли въ Моравію. Тутъ уже предстояли имъ не одни труды, а и непріятности. Моравія вмѣстѣ съ Богеміею находилась въ предѣлахъ римскаго патріархата, и римскіе проповѣдники тамъ уже дѣйствовали, какъ въ своей странѣ. Моравскій князь, Ростиславъ,

просилъ греческаго императора (Михаила) прислать ему учителей христіанства, конечно по той же самой причинѣ, по которой, нѣсколько послѣ, и нашъ равноапостольный Владиміръ не хотѣлъ принять вѣры отъ папы. Притязанія папскія были уже въ ходу въ то время, и римское властолюбіе допускало молитву и богослуженіе вездѣ не иначе какъ на языкѣ римскомъ. Любовь преодолѣла страхи, и св. братья съ словомъ Божіимъ на славянскомъ нарѣчіи въ 861 году, то есть ровно тысяча лѣтъ тому назадъ, явились въ Моравію. Князь и народъ крестились, и »ради бѣша словене«, замѣчаетъ препод. нашъ лѣтописецъ, »яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ«. Благоразуміе заставило самаго папу посмотрѣть вскользъ на дѣйствія св. проповѣдниковъ, несогласныя съ духомъ латинства, и даже дозволить имъ совершить славянскую литургію въ самомъ Римѣ.

Такіе труды первоучителей нашихъ, такая любовь, готовая на всѣ жертвы, чтобы только положить прочное начало духовному развитію единоплеменной братіи, конечно заслуживаютъ со стороны всѣхъ насъ самой глубокой и непритворной благодарности. И вотъ мы всѣ, славяне, соединяемся теперь, какъ одна семья, чтобы почтить память своихъ благодѣтелей. Много насъ на широкомъ пространствѣ Европы. Изъ всѣхъ племенъ ея мы самые многочисленные. Судьбы исторіи разорвали связь славянскаго племени и забросили нѣкоторые изъ славянскихъ народовъ въ среду иноплеменниковъ, подъ чуждое вліяніе, подъ чужіе законы. Это раздѣленіе, похожее на разсѣяніе, вмѣстѣ съ своекорыстными и часто коварными дѣйствіями иноплеменныхъ правительствъ, успѣли надолго ослабить между славянами нравственную связь и чувство родства, но искоренить ихъ не могли. Время и возрастъ неизбѣжно

ведутъ за собою минуту самосознанія въ народахъ и племенахъ, а самосознаніе указываетъ, кому быть съ кѣмъ. Время этого самосознанія для великаго племени славянскаго наступаетъ. Вездѣ, гдѣ только оно подавлено чуждымъ вліяніемъ, оно пробуждается, чувствуетъ неестественность своего положенія, старается ослабить гнетъ иноплеменный и открыть для себя родникъ жизни въ своей собственной славянской народности. Мало того; для болѣе успѣшной борьбы съ иноплеменными вліяніями, у славянъ чувствуется нужда связи всѣхъ славянскихъ нородовъ, *всеславянства*. Настоящій праздникъ, въ которомъ нынѣ въ одну семью соединяются всѣ славянскіе народы отъ бѣлаго моря до адріатическаго, есть наглядный свидѣтель этого всеславянскаго направленія и, можетъ быть, первый шагъ къ новой общей жизни славянъ.

Впрочемъ, когда рѣчь идетъ о народности, то трудно бываетъ при этомъ опустить изъ виду и вѣру. Входя въ духъ народа, и становясь главнымъ началомъ его жизни, вѣра такъ бываетъ тѣсно связана съ народностію, что нерѣдко слѣдуетъ только измѣнить вѣру или вѣроисповѣданіе, чтобы поколебалась и народность. Промыслъ Божій судилъ славянскому племени искони отличаться отъ большей части племенъ Европы между прочимъ *православіемъ*. Если бы было доказано, что въ исторіи одному народу опредѣляется выражать собою то, другому другое, то славянамъ выпалъ, по видимому, счастливый жребій — чтить и выражать собою православіе. Всегда и вездѣ у нихъ замѣчалось желаніе уклоняться отъ Рима и сближаться въ дѣлѣ вѣры съ Константинополемъ. И у всѣхъ славянъ вначалѣ насаждено было православіе. Болгарія съ сопредѣльной ей Славиніей и Сербіей принимаютъ проповѣдь о Христѣ изъ устъ Меѳодія и Кирилла. Тѣже святые

мужи приносятъ святое евангеліе и богослуженіе на языкѣ славянскомъ къ моравамъ и чехамъ; отъ чеховъ христіанство переходило къ полякамъ. Соединяясь для торжественнаго празднованія памяти славянскихъ просвѣтителей, славянскимъ народамъ весьма близко теперь вспомнить, что Меѳодій и Кириллъ были проповѣдниками и представителями православія и что торжество славянской народности должно быть вмѣстѣ и торжествомъ славянскаго православія. Для всѣхъ ли однако славянскихъ народовъ оно окажется такимъ? Не обращается ли оно для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ *судъ*, на которомъ ихъ навѣрно ожидаетъ осужденіе?

Такъ, не всѣ славяне безупречно могутъ предстать нынѣ лицу своихъ первыхъ наставниковъ въ вѣрѣ. Предстаютъ безупречно славяне южные. Сквозь рядъ самыхъ тяжелыхъ переворотовъ, которымъ въ продолженіе тысячи лѣтъ подвергала ихъ исторія, они являются къ настоящему торжеству ни на шагъ не отступившими отъ древняго православія и въ цѣлости сохранившими тотъ залогъ славянства и православной вѣры, который врученъ имъ былъ равноапостольными братьями. Также безупречно входятъ въ участіе нынѣшняго праздника славяне восточные, то есть, мы русскіе. Впрочемъ здѣсь есть нѣчто особенно знаменательное. Россія не имѣла счастія видѣть у себя св. просвѣтителей славянскихъ; она приняла только ихъ переводы слова Божія и книгъ богослужебныхъ, и однакожъ ни одинъ народъ въ мірѣ не дорожитъ такъ славянскою богослужебною рѣчью и православіемъ, какъ народъ русскій. Не отъ того ли это, что изъ всѣхъ народовъ славянскихъ преимущественно народу русскому суждено быть ковчегомъ и славянства и православія?

Не столь безупречно являются на торжество нынѣшнее

славяне западные, не исключая даже тѣхъ, для которыхъ непосредственно трудились равноапостольные братья. Въ 863 году св. Меѳодій и Кириллъ съ евангеліемъ на славянскомъ нарѣчіи прибыли въ Моравію. И что же? Блажайшая зависимость отъ Рима съ одной стороны, уединенное положеніе среди иноплеменныхъ не-православныхъ народовъ съ другой, давно уже успѣли водворить тамъ вмѣсто православія латинство. Св. братья съ словомъ Божіимъ принесли туда славянскія письмена; онѣ давно тамъ забыты и замѣнены латинскимъ алфавитомъ. Святотатственная рука римскаго первосвященника отняла у народа и то спасительное слово, переложеніе котораго стоило такихъ трудовъ равноапостольнымъ [1]). Въ моравскомъ Градищѣ, гдѣ былъ архіепископскій престолъ Меѳодія, къ нынѣшнему торжеству западными славянами готовился храмъ [2]), чтобы посвятить его памяти славянскихъ первоучителей; но увы! въ этомъ храмѣ, если онъ устроенъ, услышится не славянская, а латинская литургія. При такой поразительно обличающей постановкѣ дѣла, не оживится ли какъ нибудь у западныхъ славянъ память о древнемъ православіи и желаніе возвратиться къ нему? Опыты сожалѣнія объ утраченномъ благѣ у нихъ по временамъ бывали. Въ Іоаннѣ Гуссѣ и гуситахъ, четыре столѣтія тому назадъ, громко сказалась народная память о древнемъ православіи. Наблюдатели религіоз-

---

[1]) Изъ разсказа одного изъ именитыхъ военныхъ людей, участвовавшаго въ венгерской компаніи, видно, что въ Моравіи удержалось еще на литургіи чтеніе евангелія на славянскомъ нарѣчіи, и что тамъ до сихъ поръ сохранился даже иконостасъ православныхъ храмовъ. *Прим. соч.*

[2]) Газета »День« 1862. № 25.

наго быта въ Чехіи замѣчаютъ и теперь, что духъ народа до сихъ поръ не успѣлъ сжиться съ противнымъ славянской природѣ римскимъ католичествомъ.

Остается упомянуть еще объ одномъ народѣ славянскаго происхожденія [1]). Лице его неподвижно устремлено къ Риму. Рано, безъ особенной нужды, отказался онъ отъ православія, и легкомысленно началъ растрачивать внутреннія сокровища славянской природы и мѣнять ихъ на чужеплеменные блестки. И общественный строй, и нравы, и рѣчь на половину явились у него не-славянскія. Православіе стало у него спицей, которая колетъ глаза. Общая жизнь съ другимъ славянскимъ народомъ, твердо стоящимъ на почвѣ славянской, ему кажется смертію. Такое извращеніе жизненныхъ началъ давно уже сказалось въ немъ полнымъ разстройствомъ народной жизни. Страшныя судороги, въ которыхъ мы видимъ его нынѣ, показываютъ, что ядъ разстройства проникъ все существо его и, можетъ быть, близка та минута, которая должна рѣшить навсегда его печальную, но тѣмъ не менѣе имъ самимъ подготовленную себѣ судьбу.

»Отцы божественніи и равноапостольніи, Меѳодіе и Кирилле! Молитеся Христу, даровати всѣмъ племенамъ словенскимъ въ правовѣріи твердость и единомысліе, умирити міръ и спасти души наша« [2]). Аминь.

---

[1]) О полякахъ.

[2]) Изъ службы равноапост. Меѳодію и Кириллу.

# ОБЫЧАЙ СЕЛЬСКИХЪ ПРИХОЖАНЪ ЗАНИМАТЬ ВЪ ЦЕРКВИ МѢСТА ПО ПОЛАМЪ И ВОЗРАСТАМЪ.

Во многихъ сельскихъ приходахъ нашей губерніи существуетъ этотъ обычай, и въ иныхъ сохраняется со всею точностію или строгостію. Войдя въ церковь (а церкви вездѣ почти устрояются крестообразно) въ день воскресный или праздничный, когда въ ней много молящихся, вы увидите, что прямо противъ царскихъ вратъ предъ рѣшеткою стоятъ дѣти,—съ правой стороны мальчики, съ лѣвой дѣвочки, отъ южныхъ дверей вокругъ праваго клироса, до самой средины храма, стоятъ такъ называемые *парубки* или *молодики*, т. е. неженатые мужчины, при томъ такъ, что подростки находятся впереди ближе къ олтарю, а взрослые все дальше къ дверямъ и стѣнамъ придѣла, въ лѣвомъ, сѣверномъ придѣлѣ стоятъ женатые и старики, собственно средину храма занимаютъ замужнія женщины и дѣвицы — отдѣльно, конецъ храма отъ западныхъ дверей вмѣстѣ съ притворомъ, гдѣ онъ есть, предоставляется исключительно для старухъ или *бабъ*, отъ того это мѣсто и называется *бабинцемъ*.

Такой обычай, въ формѣ болѣе или менѣе строгой, можно встрѣтить, конечно, и не въ одной нашей губерніи: онъ существуетъ во многихъ мѣстахъ югозападнаго края Россіи, существуетъ кой-гдѣ и въ губерніяхъ великороссійскихъ, но только въ селахъ и нигдѣ въ городахъ, покрайней мѣрѣ большихъ, губернскихъ. Если бы городской житель, никогда не бывавшій въ сельскихъ церквахъ, случайно какъ нибудь встрѣтился съ этимъ обычаемъ, онъ показался бы ему не только новымъ, но, пожалуй, даже страннымъ. Если этотъ житель съ легкой головой, съ вольнымъ взглядомъ, онъ презрительно улыбнется при видѣ такого пуризма и скажетъ: это остатки древняго варварскаго взгляда на женщину, — она и здѣсь отдѣлена отъ мужчины, и здѣсь отодвинута на задній уголъ. Человѣкъ безъ особыхъ претензій на умъ, не любящій пускаться въ далекія разсужденія, при встрѣчѣ съ упомянутымъ обычаемъ, спокойно замѣтилъ бы: предъ Богомъ всѣ равны,

зачѣмъ такая строгость? Зачѣмъ особыя мѣста? Человѣкъ серьезный, ничего не оставляющій безъ вниманія, непремѣнно задумался бы надъ указаннымъ обычаемъ, и тогда въ умѣ его естественно могли бы родиться вопросы въ родѣ слѣдующихъ: церковный ли это или общежитейскій обычай, перенесенный въ храмъ изъ обыкновенной жизни, давно ли онъ у насъ въ Россіи и съ какого времени существуетъ, самородный ли это обычай или заимствованный отвнѣ, имѣетъ ли онъ внутренній смыслъ и достоинство, и слѣдуетъ ли его хранить и поддерживать или надо предоставить обыкновенному теченію жизни, которымъ онъ удаленъ изъ городскихъ цивилизованныхъ обществъ?

Полагаемъ, что читатели наши приходили или теперь придутъ къ подобнымъ же вопросамъ, на которые трудно однакожъ отвѣчать безъ дальнихъ справокъ. Исторія религіозныхъ обычаевъ вообще мало разработана у насъ даже въ научномъ отношеніи; свѣдѣній о нихъ въ обществѣ слишкомъ мало: въ комъ довольно набожности, тотъ соблюдаетъ эти обычаи, не вдаваясь въ ихъ исторію и значеніе, но просто по чувству набожности, или изъ уваженія къ церкви, ихъ хранящей; въ комъ нѣтъ ея, тотъ безъ смущенія оставляетъ обычай или отступаетъ отъ него предъ законами свѣта, такъ часто несогласными съ установленіями церкви. Исторія обычая, о которомъ у насъ рѣчь, слишкомъ мало извѣстна: для него нѣтъ мѣста въ изслѣдованіяхъ о богослуженіи, на недостатокъ которыхъ пожаловаться нельзя, можетъ быть и потому, что онъ не относится существенно къ этой области. Думаемъ по этому, что и для нашихъ читателей неизлишни будутъ историческія, хотя и неполныя, свѣдѣнія объ этомъ обычаѣ, которыя, вмѣстѣ съ нашими собственными соображеніями, мы намѣрены предложить теперь ихъ вниманію.

Въ исторіи нашей церковно-обрядовой практики и даже чисто внѣшнихъ, житейскихъ обычаевъ, но на которыхъ лежалъ какой нибудь религіозный отпечатокъ, время митрополита Петра Могилы на югѣ, и время патріарха Никона на сѣверѣ Россіи можно считать нѣкотораго рода

эпохами. Послѣдній, обративъ вниманіе, по вызову тогдашнихъ обстоятельствъ, на исправленіе церковной обрядности, старался приблизить ее къ образцу церкви греческой. Въ виду созрѣвшаго въ то время раскола, единство, согласіе во всемъ церкви греческой и русской было завѣтною мыслію не только Никона, но и патріарховъ восточныхъ. Вопросъ объ обрядности поставленъ былъ открыто между двумя противными сторонами православною и раскольническою, причемъ Никонъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы установить полнѣйшее сближеніе церкви русской съ греческою во всемъ, что какою либо стороною касалось вѣры и церкви. Такимъ образомъ при Никонѣ исправлены обычаи, измѣненные или искаженные (*), нѣкоторые введены вновь (**), иные отмѣнены (***). Мы неможемъ сказать опредѣленно, къ какому изъ этихъ разрядовъ отнести обычай, чтобы прихожане въ церкви занимали мѣста по поламъ, но вопросъ объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, поставленъ былъ тогда открыто. Объ немъ спрашивалъ соборъ церкви русской (1654 г.) патріарха константинопольскаго Паисія, а патріархъ далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ также отъ лица собора церкви греческой (1656 г.). Вотъ этотъ от-

---

(*) Это можно сказать обо всѣхъ обрядовыхъ особенностяхъ раскольническаго ученія: седмипросфоріи, сугубой аллилуіи, хожденіи посолонь, осмиконечномъ крестѣ и двуперстномъ крестномъ знаменіи, которыя были до Никона въ большомъ ходу между православными. Послѣднее такъ было распространено, что по свидѣтельству современника Игнатія митрополита Тобольскаго въ деревняхъ только старые люди крестились, слагая три первые пальца, въ Москвѣ же самъ патріархъ Іосифъ и даже Никонъ, бывшій при немъ митрополитомъ новгородскимъ складывали большой да два меньшихъ пальца, какъ и раскольники.

(**) Напр. иконописаніе по образцу фламандской школы, изустная проповѣдь, партесное пѣніе, высокіе на подлейкахъ клобуки въ замѣнъ прежнихъ круглыхъ, нынѣшнія рясы, подрясники и пояса и отращиваніе головныхъ волосъ у священниковъ и діаконовъ.

(***) Обычай класть 12 большихъ поклоновъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина въ великій постъ, и другой, по которому каждый прихожанинъ имѣлъ въ церкви свою икону, предъ которою стоялъ и молился во время богослуженія.

вѣтъ, заключающій въ себѣ и краткую исторію обычая: „намъ изустъ граметеприносецъ, яко о обычаи страны вашея, яко внутрь церкви собираются вкупѣ мужіе же и жены во время послѣдованія, и вопрошаете, сице есть благославно или законно сицевое дѣло; и отвѣщаемъ отъ св. Павла—устъ Христовыхъ, иже повелѣваяй о благочиніи церковномъ глаголетъ въ первомъ посланіи къ Тимоѳеею: *хощу убо молитися мужемъ на всякомъ мѣстѣ*, и о женахъ не глаголетъ: на всякомъ мѣстѣ, но—*жена въ безмолвіи да учится, во всякомъ покореніи*. И паки: *женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но да будетъ въ безмолвіи*. Дважды повелѣваетъ имъ безмолвіе, зане сія есть изрядная добродѣтель женамъ безмолствовати со всякимъ цѣломудріемъ и украшеніемъ. Сіе же безмолвіе не возможно есть хранити тамо, идѣже множества многихъ родовъ мужей стекаются, юноши и старцы, вѣрніи и невѣрніи. Сего ради и во особыхъ мѣстахъ церкви подобаетъ молитися и учитися, а никогда учити предъ мужми, но ниже просто бесѣдовати въ церкви, но безмолствовати во всякой честности, еже и во святилищѣ древнемъ храняшеся, идѣже бяху особно мѣста дѣвъ и вдовъ и посягшихъ, еже зане не сохрани Захарія, отецъ Предотечевъ въ Пречистой Богородицѣ, но отнелѣже и Христа ради учиняше ю на мѣстѣ дѣвъ, убиша его между храмомъ и жертвенникомъ токмо за вину сію, якоже глаголютъ повѣсти церковныя. Сей чинъ и Златоустъ сохрани въ церкви своей, внегда огради мѣсто женское отъ очесъ мужескихъ, наипаче и яко видимъ своима очима, колика безмѣстія бываютъ въ оныхъ языковъ церквахъ, иже терпятъ быть сицевому смѣшенію. Сего ради преблаженство твое, да сотвориши всякій образъ, еже изсѣщи злый сей обычай отъ страны вашея, и наказанми, и запрещенми, или отлученми, или яко есть возможно, да подражаете и всемъ, вся наша по мѣсту святыя церкви, яже не прощаютъ никаковымъ образомъ женамъ стояти на иномъ мѣстѣ храма, токмо на опредѣленномъ женскомъ. Ибо подобаетъ (яко же излагаемъ отъ Григорія Богослова) особно быти предѣломъ женскимъ отъ оныхъ мужескихъ;

глаголетъ бо святый сей въ четверострочіихъ своихъ: особно суть женская и мужеская уханія, сиесть опредѣленія, по притчи" (*).

Этотъ отвѣтъ объясняетъ для насъ большую половину дѣла; мы дополнимъ только его другими свидѣтельствами о древности обычая занимать въ церкви мѣста по поламъ и даже по возрастамъ. Въ постановленіяхъ апостольскихъ въ такихъ словахъ изображается порядокъ, въ какомъ стояли древніе христіане въ церкви: „первое мѣсто (конечно, съ главнаго входа или западныхъ дверей) занимали дѣвственницы, вдовицы и престарѣлыя жены, за ними вступившія въ бракъ и матери семейства отдѣльно; потомъ дѣти,—дочери съ своими матерями, а сыновья съ отцами, или не много позади ихъ; наконецъ все юношество въ разныхъ разстояніяхъ, смотря по возрасту лѣтъ." Тутъ же къ числу обязанностей діакониссъ относится, чтобы они наблюдали въ церкви за входомъ женщинъ, равно говорится, что придверники должны стоять при входѣ мужчинъ. У св. Кирилла Іерусалимскаго читаемъ: „должно отдѣлить (стоящихъ въ церкви) такъ, чтобы мужчины были съ мужчинами, а женщины съ женщинами". Блаженный Августинъ говоритъ: „народъ стекается во храмы съ благоговѣйною торжественностію, *въ благочестномъ отдѣленіи обоего пола*," и этимъ ясно указываетъ на существованіе въ его время обычая стоять въ церкви по поламъ.

Для отдѣленія мужескихъ мѣстъ отъ женскихъ употреблялись два способа: въ иныхъ церквахъ просто устроя-

(*) Соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха на 26 вопросовъ, предложенныхъ ему соборомъ русской церкви, напечатанъ въ переводѣ на славянскій языкъ въ Скрижали, изданной въ 1856 г. Приведенныя нами слова составляютъ отдѣльный 27-й пунктъ. Всего вѣроятнѣе, что вопросъ о томъ, какъ должны стоять прихожане въ церкви,—смѣшанною ли массою, или отдѣльно по поламъ, поднятъ былъ по окончаніи московскаго собора 1654 г., потому и не вошелъ въ число соборныхъ вопрошеній, но переданъ изустно грекомъ Еммануиломъ, который посланъ былъ отъ Никона къ Паисію. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ былъ письменный и, безъ сомнѣнія, соборный, такъ какъ онъ состоитъ въ соборномъ отвѣтномъ посланіи.

лась деревянная стѣна или дощатая перегородка, въ другихъ устроялись галлереи,—родъ нынѣшнихъ хоръ, обведенныхъ по тремъ сторонамъ средней части храма. На первый способъ находимъ указаніе у св. Амвросія медіоланскаго, который въ письмѣ къ *падшей дѣвѣ* такъ говоритъ: „не должна ли ты была (увлекаясь соблазномъ ко грѣху) вспомнить и о томъ дсками отдѣленномъ мѣстѣ, на которомъ стояла ты въ церкви, о томъ мѣстѣ, куда на перерывъ одна предъ другою стекались благочестивыя и благородныя жены, и просили у тебя цѣлованія, будучи гораздо лучше и святѣе тебя?"—Почему вспомнить? Потому, что въ этомъ мѣстѣ на стѣнахъ, по свидѣтельству того же св. отца, были написаны нѣкоторыя слова св. Писанія, приличныя состоянію дѣвъ, напр. слѣдующія слова апостола Павла: *раздѣлися жена и дѣва. Не посягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. 7, 34). Но еще съ большею опредѣленностію говоритъ объ этомъ св. Іоаннъ Златоустъ, которому въ вышеприведенномъ отвѣтномъ посланіи константинопольскаго патріарха Паисія приписывается устроеніе въ церквахъ особыхъ отдѣленій для мужчинъ и женщинъ, хотя самъ онъ не относитъ этого прямо къ себѣ. „Надлежало бы намъ, говоритъ онъ въ одной изъ бесѣдъ своихъ на евангеліе отъ Матѳея, отдѣляться отъ женъ внутреннею стѣною (стѣною сердца); но поелику вы того не хотите, то отцы наши за нужное почли отдѣлять васъ отъ нихъ покрайней мѣрѣ сими деревянными стѣнами. На существованіе галлерей, какъ женскихъ мѣстъ въ церкви, указываетъ св. Григорій Назіанзинъ. Описывая храмъ св. Анастасіи, онъ замѣчаетъ, что „мужчины стояли у рѣшетки алтаря, а дѣвы и жены слушали съ галлерей." Подобныя же указанія находятся у Евагрія историка, Павла молчальника и другихъ греческихъ писателей. Галлереи, какъ особыя мѣста для женщинъ, были даже въ знаменитомъ константинопольскомъ храмѣ св. Софіи. Обычай стоять въ церкви мужчинамъ отдѣльно отъ женщинъ соблюдался въ древности съ такою строгостію и былъ въ такомъ уваженіи, что

ему подчинялись царствующія лица: императоръ стоялъ обыкновенно впереди мужчинъ на особомъ мѣстѣ, носившемъ названіе *στωλέιον* или престолъ, сѣдалище, а императрица на сторонѣ женщинъ, въ галлереѣ или за перегородкой, также впереди. О матери Константина, императрицѣ Еленѣ, Сократъ замѣчаетъ, что она всегда молилась въ женскомъ отдѣленіи вмѣстѣ съ прочими женщинами.

Всѣ эти свидѣтельства несомнѣнно утверждаютъ, что обычай стоять въ церкви по поламъ есть древнѣйшій обычай церкви христіанской не только восточной, но и западной, а первое, самое древнее, говоритъ даже о томъ, что въ древней христіанской церкви вѣрующіе занимали мѣста не только по поламъ, но даже по возрастамъ. Историкъ Евсевій возводитъ начало этого обычая ко временамъ евангелиста Марка, но въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ посланія константинопольскаго патріарха Паисія оно относится ко временамъ церкви ветхозавѣтной. Послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе согласнымъ съ исторіею; мы знаемъ, какъ много другихъ обычаевъ и обрядовъ церковь христіанская заимствовала изъ церкви ветхозавѣтной, но измѣнила ихъ по духу вѣры Христовой. Этому мнѣнію не противорѣчатъ слѣдующія слова св. Златоуста: „я слыхалъ, отъ старцевъ, что сихъ (т. е. древнихъ) стѣнъ прежде не было: во Христѣ бо Іисусѣ ни мужъ, ни жена. Во времена апостоловъ мужи и жены молились также вмѣстѣ, но тогда жены были истинныя жены, равно какъ и мужи. На упоминаемую въ евангеліи вечерю созваны были мужи и жены, и однако это собраніе достойно было неба.“ Св. Златоустъ говоритъ здѣсь о перегородкахъ, и если о собраніяхъ апостольскихъ замѣчаетъ, что тамъ мужи и жены молились вмѣстѣ, то по самому ходу рѣчи это означаетъ только, что они не были отдѣлены перегородкою. Въ молитвенныхъ собраніяхъ апостолькихъ, которыя происходили въ частныхъ небольшихъ домахъ, и при томъ не всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, *страха ради Іудейска*, трудно, конечно, было и установить какой либо порядокъ для размѣщенія присутствовавшихъ при богослуженіи.

Мы не станемъ слѣдить за этимъ обычаемъ въ послѣдующія времена церкви Христовой, послѣ первыхъ вѣковъ ея существованія; замѣтимъ только, что остатки древняго обычая сохраняются, кромѣ нашей церкви, и въ церкви западной, гдѣ женщины преимущественно садятся на одной, а мужчины на другой сторонѣ. И у славянъ, въ Сербіи для отдѣленія мужчинъ отъ женщинъ, проводится посрединѣ храма рѣшетка, и жена владѣтельнаго сербскаго князя становится на женской сторонѣ, какъ становилась нѣкогда мать Константина.

Какая мысль можетъ быть въ основаніи такого обычая? Что привело къ его установленію? Всякому извѣстно, что въ древнемъ мірѣ не только языческомъ, но даже іудейскомъ женщина не пользовалась тѣмъ значеніемъ, какое она получила въ мірѣ христіанскомъ и современномъ цивилизованномъ мірѣ: на взглядъ язычника женщина—раба, въ понятіи іудеевъ она выше, но также, какъ и у язычниковъ, исключена изъ общества. Но тотъ сдѣлалъ бы непростительную ошибку, кто сталъ бы утверждать, что этотъ взглядъ на женщину, проявлявшійся въ общественной жизни и у христіанъ, проникъ и въ христіанскіе храмы и установилъ тамъ особое мѣсто для женщинъ. Даже въ языческомъ образованномъ мірѣ проявлялось стремленіе къ возвышенію женщины, къ сближенію и свободному обращенію ея съ мущиною, хотя и не въ строго моральномъ видѣ. Кромѣ того какъ въ іудейскомъ, такъ и въ языческомъ мірѣ, въ случаяхъ особенно торжественныхъ и важныхъ,—въ дни сильной радости или скорби, даже въ торжественныхъ религіозныхъ праздниствахъ, женщины не были удаляемы изъ собранія мужчинъ, но тѣ и другіе дѣлили вмѣстѣ радость и горе. По основному взгляду христіанства, во Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескій полъ, ни женскій*. Гдѣ же скорѣе, какъ не въ молитвенныхъ собраніяхъ христіанскихъ, предъ лицемъ Христа, во имя Коего собираются вѣрующіе, должно было примѣнить этотъ взглядъ? И однакожъ явно, по видимому, вопреки этому взгляду женщина въ храмѣ христіанскомъ отдѣляется отъ мужчины. Есть ли и дѣйствительно въ этомъ отдѣле-

ніи какое либо униженіе для женщины? Правильно судя нѣтъ, равно какъ нѣтъ въ этомъ и особенной чести для мужчинъ. Не въ женщинѣ, не въ ея значеніи вина этого отдѣленія, женщина не отведена тутъ на задній планъ, тутъ проведено простое раздѣленіе между мужчинами и женщинами, по цѣлямъ и побужденіямъ строго моральнымъ. Св. Златоустъ въ такихъ словахъ высказываетъ причину, побудившую пастырей церкви устроить въ храмахъ дощатыя перегородки для отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ: „нынѣ жены, говоритъ онъ, заимствовали себѣ нравы распутныхъ женщинъ, а мужи подражаютъ неистовству коней.“ Такой отзывъ, можетъ быть вовсе непримѣнимый для другаго времени и мѣста, былъ вполнѣ справедливъ въ отношеніи къ современнымъ Златоусту жителямъ Византіи, въ которой царствовалъ тогда страшный развратъ. Впрочемъ однимъ развращеніемъ нравовъ нельзя объяснить этой повсюдной, весьма строгой и очень простой мѣры; къ ней приводила также извѣстная намъ строгость нравственнаго воззрѣнія древнихъ пастырей церкви. Большей чистотѣ и мягкости нравовъ, равно большей снисходительности пастырей въ послѣдующія времена должно приписать уничтоженіе деревянныхъ перегородокъ въ храмахъ для отдѣленія мужчинъ отъ женщинъ; тѣмъ не менѣе обычай, для поддержанія котораго вынуждены были прибѣгнуть къ перегородкамъ, утвердился въ церкви на всѣ послѣдующія времена.

Итакъ обычай стоять въ церкви по поламъ и возрастамъ есть древнѣйшій обычай христіанской церкви, а начало его восходитъ даже ко временамъ церкви ветхозавѣтной. На сѣверѣ Россіи онъ существуетъ со временъ паріарха Никона, какъ показываетъ выше приведенное мѣсто изъ Скрижали, имъ изданной и разосланной по церквамъ для руководства;—можетъ быть онъ существовалъ и прежде, но во времена неустройства церковнаго преданъ забвенію. На югѣ Россіи этотъ обычай былъ въ употребленіи во время митрополита Петра Могилы и даже прежде его. Въ извѣстномъ сочиненіи *Λιθος* (изд. въ 1644 г.),

которое не безъ основанія приписывается Могилѣ, встрѣчаемъ неразъ названіе *бабинецъ*, т. е. такое мѣсто въ церкви, въ которомъ стояли обыкновенно старухи, по мѣстному выраженію *бабы*. Если же было особое мѣсто для старухъ, то были и другія также особыя мѣста для другихъ возрастовъ, особо мужескаго и особо женскаго пола.

Уже одна многовѣковая древность такого обычая говоритъ въ его пользу; но достоинство его еще болѣе усматривается изъ его внутренняго значенія и тѣхъ нравственныхъ цѣлей, которыя достигаются при посредствѣ его.

Первѣе всего—только при постоянномъ правильномъ размѣщеніи присутствующихъ въ церкви возможны вполнѣ порядокъ и благочиніе, подобающіе дому Божію. Когда для каждой части прихожанъ предназначена особая часть храма, когда каждый стоитъ почти на одномъ и томъ же мѣстѣ, тогда никому нѣтъ побужденія пробираться впередъ, занимать видное мѣсто, переходить изъ одной части храма въ другую, съ одного мѣста на другое. Переходы, передвижки бываютъ самыя незначительныя, тѣмъ болѣе, что женщины входятъ только западными, а мужчины только сѣверными дверьми, или же сѣверными и южными, но никакъ не западными. Нельзя не любоваться порядкомъ и благочиніемъ въ тѣхъ сельскихъ церквахъ, гдѣ соблюдается древнѣйшій обычай стоять въ церкви по поламъ и возрастамъ и нельзя, по противуположности, не вспомнить, какое безпорядочное движеніе, какое частое и неблагоговѣйное хожденіе изъ одного конца церкви въ другой, какая толкотня, шумъ и даже споръ происходятъ иногда въ городскихъ церквахъ, гдѣ всѣ располагаются, какъ кто хочетъ, какъ попало или ужъ какъ придется.

Кромѣ порядка и благочинія указаннымъ обычаемъ достигается другая еще болѣе важная цѣль. Для человѣка, пришедшаго въ церковь съ искреннимъ намѣреніемъ помолиться, весьма важно, чтобы ничто здѣсь не прерывало и не нарушало его молитвеннаго настроенія и особенно, чтобы онъ могъ участвовать въ богослуженіи не только слухомъ, но и зрѣніемъ. Видъ св. иконъ, особенно такъ называемыхъ намѣстныхъ, видъ олтаря съ его

углубленными отъ взора предстоящихъ украшеніями, видъ престола Божія съ его священными принадлежностями, видъ священника, воздѣвающаго руки предъ престоломъ Господнимъ или же призывающаго на предстоящихъ благодать Господа Іисуса Христа, любовь Бога Отца и причастіе Святаго Духа и вообще весь чинъ богослуженія, на сколько онъ дается для глаза, гораздо глубже и сильнѣе дѣйствуютъ на душу предстоящаго въ храмѣ, нежели чтеніе и пѣніе. Для человѣка простаго, мало понимающаго, но живо и глубоко чувствующаго столько же важно и необходимо созерцать чинъ богослуженія, сколько слышать то, что входитъ въ составъ его. И между тѣмъ богослуженіе съ его внѣшнею обстановкою бываетъ закрыто для многихъ, при отсутствіи порядка въ размѣщеніи стоящихъ въ церкви. Такъ какъ при этомъ условіи никто, идя въ церковь, не можетъ знать, гдѣ ему придется стоять, то многіе нарочито стараются притти пораньше и занять мѣсто впереди. Отъ того насрединѣ храма; до самой предъолтарной рѣшетки, скопляется всегда наибольшее число народа, тутъ то происходятъ тѣснота, давка и толкотня. Какъ тутъ спокойно предаваться молитвѣ, когда человѣкъ едва держится на ногахъ, находится постоянно въ тискахъ, когда его поминутно почти то толкаютъ подъ бока, то качаютъ въ разныя стороны! Этого мало: когда въ толпѣ, ставшей плотно массою впереди, найдется много или нѣсколько человѣкъ большаго росту, то отъ стоящихъ позади ихъ маловозрастныхъ совершенно скрывается и чинъ священнодѣйствія. Особенно невыгодно въ этомъ отношеніи безпорядочное распредѣленіе стоящихъ въ церкви для дѣтей, для которыхъ единственное мѣсто впереди. Намъ случалось въ нѣскольких сельскихъ церквахъ въ Великороссіи и даже у насъ видѣть, что предъолтарная часть храма занята исключительно взрослыми мужчинами, женщины же съ дѣтьми мужескаго и женскаго пола стоятъ позади отъ средины храма до западныхъ дверей: что могутъ видѣть при этомъ женщины и дѣти, стоя за спинами у мужчинъ? Трудно придумать что нибудь хуже этого порядка. Кому постоянно приходится слышать только бого-

служеніе и не видѣть его въ дѣйствіи, тотъ мало бываетъ знакомъ съ порядкомъ его, мало постигаетъ его содержаніе и поневолѣ становится равнодушнымъ къ нему: онъ молится въ церкви, независимо отъ богослуженія. Въ городскихъ церквахъ, женщина или дама, даже поздо пришедши въ церковь, можетъ пробраться впередъ, какъ бы ни было велико стеченіе народа, какая ни была бы тѣснота. Но чего стоитъ это и ей самой и другимъ! Сколько безпорядка, какая толкотня и давка происходятъ во храмѣ, когда иную даму провожаютъ сквозь густую массу народа! Не говорите, что всему этому виною тѣснота; много причинъ такого безобразія, и между ними едва ли не главная—совершенное отсутствіе всякаго порядка въ занятіи мѣстъ во храмѣ. Ничего подобнаго сему не увидите въ тѣхъ изъ сельскихъ храмовъ, гдѣ хранится древнѣйшій христіанскій обычай стоять въ церкви по поламъ и возрастамъ. Тутъ напр. дѣти стоятъ впереди всѣхъ, предъ самымъ алтаремъ: можно ли придумать что либо лучше этого? Предъ ихъ глазами иконостасъ, алтарь, весь ходъ богослуженія; дѣти, еще ничего почти не понимающіе изъ чтенія и пѣнія, чѣмъ другимъ, кромѣ зрѣнія, могли бы знакомиться съ богослуженіемъ, слѣдить за его порядкомъ и постигать его содержаніе, на сколько то доступно ихъ дѣтскому возрасту? Видъ священныхъ изображеній и другихъ священныхъ предметовъ, весь чинъ священнодѣйствія приковываетъ ихъ вниманіе, возбуждаетъ благоговѣніе и уваженіе къ святынѣ и вызываетъ невольное любопытство и желаніе знать, что кроется за этими внѣшними формами. Позади дѣтей, нѣсколько вдали отъ нихъ, стоятъ ихъ матери, со стороны отцы, впереди священникъ: дѣти такимъ образомъ постоянно на глазахъ, поведеніе ихъ открыто, малѣйшее неблагоговѣніе, шалость могутъ быть остановлены или замѣчены. Впрочемъ при такомъ порядкѣ и надзоръ сколько легокъ и удобенъ, столько же почти не нуженъ; дѣти, стоя впереди, не предаются шалостямъ, потому уже, что ихъ вниманіе постоянно занято. Совсѣмъ не то бываетъ тамъ, гдѣ дѣти стоятъ, какъ попало, хотя бы и вмѣстѣ съ матерями: мать съ трудомъ удерживаетъ

дитя отъ разсѣянности, а иногда и вовсе удержать не можетъ и только по напрасну грозитъ ему; дитя улыбается, разговариваетъ, поварачивается то въ ту, то въ другую сторону, потому что вниманіе его ничѣмъ не занято, оно видимо ищетъ предмета, дѣла, которыя могли бы занять его. Наконецъ, дѣти, стоя впереди, никому немѣшаютъ видѣть, какъ совершается дѣйствіе богослуженія, и какъ ихъ, по разнымъ причинамъ, бываетъ обыкновенно меньше, чѣмъ людей другихъ возрастовъ, то между ними и вокругъ ихъ движеніе всегда свободнѣе: свободно тутъ пройдетъ священникъ съ кадиломъ или выйдетъ на молебенъ, свободно становятся позади ихъ братчики съ ставниками и причетники, когда выходятъ на средину церкви пѣть: *Тебе поемъ* и *Достойно есть*, безпрепятственно и скоро пройдетъ пономарь, которому такъ часто приходится ходить изъ алтаря на клиросъ и обратно, чтобы и священнику прислужить и дьячку помочь и мимоходомъ свѣчи поправить или потушить, свободно пройдетъ и всякій прихожанинъ, кому есть надобность поставить напр, свѣчку, подать на часточку, на акафистъ, на молебенъ и проч. Такъ много выигрывается по одному тому, что передняя часть собственно храма занята бываетъ дѣтьми, а прочіе стоятъ по сторонамъ. Но самая главная выгода обычая, о которомъ мы говоримъ, заключается, кажется, въ отдѣленіи мужчинъ отъ женщинъ. Много значитъ уже то, что мужчины, имѣя особое мѣсто, особый даже входъ, и стоя по сторонамъ— въ придѣлахъ, не заслоняютъ отъ женщинъ вида на алтарь и на дѣйствія священника и не тѣснятъ ихъ ни въ то время, когда стоятъ, ни—когда проходятъ. Намъ кажется, что если бы подобный порядокъ возможно было возстановить въ городскихъ церквахъ, дамамъ вовсе не нужны были бы для прохода въ церковь услуги кавалеровъ, которые производятъ подъ часъ такое неблагочиніе въ церкви своею услужливостію. Но гораздо важнѣе въ этомъ случаѣ нравственная охрана чистоты взглядовъ, помысловъ и движеній сердечныхъ, полагаемая отдѣленіемъ одного пола отъ другаго. Конечно, трудно въ настоящее время къ какому либо обществу вполнѣ приложить вышеприведенный стро-

гій приговоръ св. Іоанна Златоустаго; но таково уже отношеніе двухъ половъ, что ихъ взгляды, помыслы и внутреннія движенія весьма часто подвергаются соблазну и искушенію, независимо отъ времени и мѣста. Въ селахъ, гдѣ нравы вообще чище, отношенія половъ проще, отдѣленіе въ церкви мужчинъ отъ женщинъ представляетъ въ этомъ отношеніи, можетъ быть, менѣе необходимости, чѣмъ въ городахъ. Ни для кого не новость и не тайна, что здѣсь, т. е. въ городахъ молодыя и даже и не очень молодыя женщины иногда идутъ въ церковь если не прямо, то между прочимъ съ тою цѣлію, чтобы показать себя, свои наряды и быть замѣченными, иные изъ молодыхъ людей собственно за тѣмъ, отправляются и не въ одну, а въ нѣсколько церквей, чтобы поглазѣть и повидаться съ знакомыми; не тайна даже и то, что въ церквахъ ведутся иногда не приличные разговоры, слышны бываютъ шутки, смѣхъ и проч. Нѣкоторые приносятъ въ храмы Божіи правила худо понимаемаго приличія, паркетной ловкости, гостинной любезности. Вотъ случайно встрѣтился въ церкви мужчина съ дамой, онъ раскланивается съ ней любезно, съ улыбкой, чуть не расшаркивается, и считаетъ долгомъ провести и сказать нѣсколько любезныхъ фразъ; вотъ онъ въ церкви издали завидѣлъ знакомую даму, поклонился бы, кажется, да коли объ чемъ нужно поговорить подождалъ бы, пока кончится богослуженіе,—нѣтъ, онъ спѣшитъ пробраться къ ней, топчетъ ближнимъ ноги, толкаетъ ихъ подъ бока, и все это затѣмъ, чтобы спросить о здоровьѣ и сказать какую нибудь любезность; невѣжливо, говоритъ, видѣться, и не поговорить хоть не много. А посмотрите, что дѣлаютъ, какъ ведутъ себя собственно такъ называемые кавалеры, по другому опредѣленію львы или онагры: какіе наглые, безстыдные взгляды бросаютъ они на незнакомыхъ имъ женщинъ, какія живописныя и въ тоже время неблагоговѣйныя позы принимаютъ предъ знакомыми имъ дамами, которыхъ они провели въ церковь или къ которымъ подвернулись здѣсь, какъ громко разговариваютъ и смѣются, какія точаютъ небылицы,

какъ дерзко кощунствуютъ иногда надъ священными лицами и дѣйствіями, чтобы показать предъ дамой свое остроуміе или вызвать ея улыбку. И подобныя безобразія, къ стыду нашему, встрѣчаются въ православныхъ храмахъ; въ католическихъ же костелахъ ничего подобнаго не увидите и не услышите,—тамъ женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ и никогда мужчина не пересядетъ на сторону женщинъ, и не только во время богослуженія, но даже при входѣ и при выходѣ не заведетъ съ дамой никакого разговора, да и вообще разговоры ведутся только въ православныхъ храмахъ.

Такъ много смысла, и даже настоятельной нравственной необходимости въ размѣщеніи предстоящихъ въ церкви по поламъ и возрастамъ. Сознаемъ всю трудность возстановленія этого обычая въ городахъ, гдѣ прихожане рѣдко держатся своего прихода, гдѣ нравственная связь священника съ прихожанами довольно слаба и гдѣ много такихъ понятій и привычекъ, которыя никакъ не мирятся съ этимъ обычаемъ,—до того, что самая мысль о возстановленіи его показалась бы для многихъ дикою. Совсѣмъ другое дѣло въ селахъ: тамъ прихожане питаютъ не только довѣріе, но и глубокое уваженіе къ своимъ пастырямъ и въ дѣлахъ, касающихся религіи, оказываютъ имъ полное повиновеніе. Тамъ гораздо легче возстановить обычай, о которомъ мы говорили. Стоило бы священнику объяснить, хоть напр. въ церковномъ поученіи, древнѣйшее происхожденіе этого обычая, глубокій христіанскій смыслъ его и нравственную необходимость и значеніе его, и, мы увѣрены, набожные и послушные прихожане охотно и съ любовію приняли бы эту почтенную и священную древность. Надѣемся, что наши сельскіе священники раздѣлятъ наши мысли по этому предмету и обычай размѣщенія прихожанъ въ церкви по поламъ и возрастамъ постараются не только удержать тамъ, гдѣ онъ сохранился доселѣ, но и возстановить тамъ, гдѣ онъ преданъ забвенію. Отъ души желаемъ успѣха всякому изъ нихъ, кто рѣшится на это доброе и полезное дѣло.

---

чиствывающей на сочувствіе и даже содѣйствіе нашего православнаго простонародія,—и отраднымъ для насъ залогомъ, что никакія ухищренія, никакія обольщенія поляковъ не могутъ заглушить въ народѣ нашемъ чувства долга, и поколебать его въ вѣрности престолу и отечеству, съ которыми онъ связанъ самыми тѣсными и самыми крѣпкими узами. Предъ этими фактами широкая затѣя польской пропаганды должна съузиться, и шляхетская завзятость естественно должна присмирѣть. Дай Богъ, что бы этими фактами поляки вразумились. . . .

С. Л. К.

— ***Къ вопросу объ улучшеніи быта сельскаго духовенства.*** На 1-й отдѣлъ составленныхъ Высочайше учрежденнымъ присутствіемъ по дѣламъ духовенства вопросовъ, мы между прочимъ пришли къ тому заключенію, что, предоставивъ духовенству пользоваться въ прежнемъ порядкѣ землею и помѣщеніемъ, нужно дать священнику на обработку земли не менѣе 60 рублей, а всему вообще причту на ежегодный ремонтъ помѣщеній 80 р., включая сюда и отопленіе, по мѣстнымъ способамъ, дровами или соломою. Также увеличить окладъ жалованья, покрайней мѣрѣ, до такой цыфры: священнику 240, дьячку 60 и пономарю 40 рублей. Діаконъ же, какъ не вездѣ необходимое лице, можетъ состоять на дьячковской должности и при томъ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ пожелаютъ этого сами прихожане и дадутъ ему, сверхъ дьячковскаго оклада, особое вспомоществованіе. Пономарей же поставить во всѣхъ приходахъ, не исключая 6 и 7 класса. Классы приходовъ, существующіе только въ западныхъ губерніяхъ, уничтожить и штаты вездѣ уравнять.

Какъ таковое устройство матеріальнаго быта духовенства потребуетъ значительныхъ средствъ, то естественно раждается вопросъ: откуда взять ихъ? Изъ числа многихъ соображеній, для изысканія прочныхъ источниковъ къ обезпеченію матеріальнаго быта сельскаго духовенства, мы почитаемъ достойными вниманія только слѣдующія: 1) пре-

доставить церкви продажу иконъ, которую открыть только при однихъ церквахъ (*). Для сего духовныя консисторіи, составивъ комитетъ изъ лицъ городскаго духовенства, поручатъ ему заготовку иконъ и крестиковъ для новорожденныхъ дѣтей. Учрежденный комитетъ, заботясь само собою о каноническомъ достоинствѣ живописи, обязывается къ годнымъ иконамъ прилагать печать свою или штемпель и разослать по церквамъ и монастырямъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ снабжаются они вѣнчиками и листами разрѣшительной молитвы; вырученную же отъ этой продажи денежную прибыль препровождать въ уѣздное казначейство.

Кромѣ существующихъ по духовному вѣдомству бланковъ для метрическихъ книгъ, денежныхъ, свѣчныхъ и клировыхъ вѣдомостей, исповѣдныхъ росписей и послужныхъ списковъ, заготовить еще печатные бланки для метрическихъ свидѣтельствъ и выписей, предбрачныхъ свидѣтельствъ и обыскныхъ книгъ, со взысканіемъ пошлинъ за оныя съ тѣхъ, для кого они будутъ писаться.

Эта мѣра принесла бы сугубую пользу. Относительно иконъ, мы не встрѣчали бы нелѣпыхъ произведеній самозванцевъ-маляровъ, а, съ другой стороны, благочестивый покупатель видѣлъ бы, какую вещь онъ и откуда пріобрѣтаетъ и самая прибыль отъ ней имѣла бы въ глазахъ его болѣе или менѣе религіозную цѣль—вспомоществованіе служителямъ церкви Іисуса Христа, Который сказалъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя. И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10; 40 и 42). Извѣстно также, въ какомъ уничиженіи производится иногда продажа иконъ на сельскихъ ярмаркахъ, гдѣ они висятъ вмѣстѣ съ хомутами и сапогами, представляя обильную пищи для потѣхи лю-

(*) На продажу иконъ церковь имѣетъ даже болѣе правъ, чѣмъ на продажу свѣчъ.

дей, преданныхъ кощунству, или враждебныхъ православію. Чтоже касается бланковъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, то съ одной стороны церковные причты и старосты избавились бы излишнихъ хлопотъ по отчетности церкви, а съ другой—духовенство избѣгло бы разногласія по формѣ и ошибокъ по содержанію при выдачѣ предбрачныхъ свидѣтельствъ и метрическихъ выписей.

Этими двумя способами можно заставить всѣ сословія участвовать въ содержаніи духовенства. Ибо въ сельскихъ приходахъ весьма часто бываетъ такъ, что проживающій въ селѣ чиновникъ, купецъ или дворянинъ православнаго исповѣданія, не участвуетъ ни въ обработкѣ земли, ни въ постройкѣ и поддержаніи помѣщенія духовенства, а все бремя по этой статьѣ несутъ одни крестьяне и мѣщане.

Нѣтъ сомнѣнія, что и указанные нами источники несовсѣмъ достаточны, а потому, представляя соображенія наши на судъ читателей, мы надѣемся, что къ нашимъ скуднымъ открытіямъ быть можетъ пріищетъ кто, въ помощь, и другія. *Сельскій священникъ.*

— *Замѣтка объ улучшеніи быта сельскаго духовенства.* Между нашею братіею, сельскими священниками, чрезвычайно развита довольно невѣрная мысль относительно средствъ къ улучшенію быта духовенства. Какъ только зайдетъ объ этомъ рѣчь, взоры всѣхъ обыкновенно устремляются на казну, отъ ней только и ожидаютъ матеріальнаго вспомоществованія. Намъ кажется, достаточно, чтобы послѣдовалъ Высочайшій указъ объ отпускѣ извѣстной суммы въ пользу духовенства, и дѣло съ концемъ. Съ перваго взгляда оно такъ и есть, но какъ поразсмотришь внимательно все, что дѣлается вокругъ насъ, какъ сообразишь громадныя преобразованія и улучшенія гражданскаго быта Россіи, невольно подумаешь, хватитъ ли средствъ на одни эти преобразованія. Вѣдь матушка—Русь велика-то! Большой приходъ у ней, слова нѣтъ,—ну, да за то и расходъ-то важный!. . . Какъ бы то впрочемъ ни было, мы того мнѣнія, что улучшеніе быта духовенства главнѣйшимъ образомъ должно проистекать отъ

тѣхъ обществъ, которымъ духовенство посвящаетъ свои труды. Древнее правило: *благовѣствующимъ подобаетъ и жити отъ благовѣстія; служащіе олтарю отъ олтаря и питаются*. Полагая такимъ образомъ въ основаніе мысль о пособіи духовенству отъ прихожанъ, мы на первый разъ поговоримъ о двухъ видахъ такого пособія существующаго въ настоящее время.

1) Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ объ обезпеченіи сельскаго православнаго духовенства сказано: „изъ причитающейся священнику части указной пропорціи (земли) десять десятинъ ежегодно обработываютъ прихожане“. Предполагалось, что обработка такого участка, будучи необременительною для прихожанъ по незначительности своей, въ тоже время замѣтно улучшитъ бытъ священниковъ. Слишкомъ двѣнадцатилѣтній опытъ показалъ (съ 1849 по 63 г.), что какъ ни желательно было бы духовенству пользоваться этою поддержкою отъ прихожанъ, но по многимъ причинамъ эта поддержка не принесла той пользы, которой ожидали сельскіе священники. Многіе сельскіе священники, убѣдившись собственнымъ опытомъ и изъ опытовъ другихъ, что гораздо спокойнѣе заготовлять на рабочее время работниковъ „за снопъ“, т. е. за третью или четвертую часть урожая, перестали и помышлять о безмездной обработкѣ. Прекрасная мѣра, по видимому и для прихожанъ не обременительная и для священника выгодная, оказалась неудобною для обѣихъ сторонъ. Замѣна этой обработки денежнымъ взносомъ отъ прихожанъ значительно бы улучшила положеніе каждаго сельскаго священника въ матеріальномъ отношеніи, и кромѣ этого прекратила бы существующіе въ нынѣшнее время поводы къ непріятнымъ столкновеніямъ священника съ прихожанами, освободила бы священника отъ большой зависимости, какъ прежде отъ пановъ да экономовъ, такъ теперь отъ сельскихъ урядниковъ, которымъ большинство священниковъ вынуждено годить ни за что. Для самыхъ же прихожанъ это было бы выгодно въ томъ отношеніи, что денежная повинность равномѣрно распредѣлялась бы между всѣми домохозяевами въ приходѣ.

2) Сельскіе прихожане, частію изъ подражанія болѣе образованнымъ классамъ, а больше по старинному вѣковому обычаю, при всѣхъ требахъ обыкновенно доброхотствуютъ въ пользу причта. Причтъ на томъ же основаніи такія пожертвованія принимаетъ съ благодарностію. Правда, сами-по-себѣ, эти пожертвованія незначительны. Они не превышаютъ 2-хъ, 3 руб. отъ достаточнѣйшихъ прихожанъ, а minimum нисходятъ до 30,—50 коп. сер., но дѣло въ томъ, что они вошли въ плоть и кровь и прихожанъ и священниковъ, для первыхъ они не обременительны, для послѣднихъ все таки составляютъ матеріальную поддержку. Поэтому, въ видахъ улучшенія быта духовенства, желательна была бы отмѣна существующаго у насъ (*de jure, а не de facto*) закона не принимать за требы и добровольныхъ приношеній. Эти приношенія не суть въ строгомъ смыслѣ „плата за требы", не торговля святынею; нѣтъ, въ основаніи этого вѣковаго обычая лежитъ мысль вспомоществовать при всевозможныхъ случаяхъ лицу, которое внѣ своихъ служебныхъ обязанностей, по самому принципу своего служенія, не имѣетъ возможности искать средствъ къ своему существованію въ матеріальномъ смыслѣ.

Изложивъ такимъ образомъ два рода пособія священниковъ отъ прихожанъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время, и представивъ соображенія къ тому, какъ бы они должны существовать къ большей выгодѣ священниковъ, мы, для большего выраженія собственныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, заключимъ настоящую замѣтку еще слѣдующими соображеніями:

1) Священникъ — не военный или гражданскій чиновникъ, не земледѣлецъ или ремесленникъ, словомъ онъ не то лицо, содержаніе котораго необходимо должно лежать на политическо - гражданскомъ обществѣ, понимаемомъ въ смыслѣ государства. Нѣтъ, служеніе священника исключительное, чисто духовное, обу-

словливаемое духовными потребностями того или другаго общества. Слѣдовательно возможно полное обезпеченіе матеріальнаго быта священника должно зависѣть отъ самого этого общества. Вы скажете, что бытъ священниковъ будетъ еще хуже, если они будутъ получать содержаніе отъ обществъ. Не думаемъ. Вѣдь волостные писаря получаютъ же такое содержаніе какъ и священники, даже большее въ то время, когда духовныя потребности въ нашемъ народѣ стоятъ на первомъ планѣ, выше и прежде всѣхъ другихъ потребностей. Крестьянину мало нужды, въ его ли селѣ волостная управа или за 10-ть верстъ отъ него, близко ли или далеко отъ него живетъ становой приставъ и проч., но къ вопросу о существованіи церкви или священника въ его селѣ онъ относится совершенно иначе. Желаніе имѣть своего священника, свою церковь или хоть свою часовню и прочія желанія въ этомъ родѣ развиты очень. Перестаньте толковать поселянину, что онъ ничего не долженъ отъ себя давать священнику для его содержанія, потому что ему платитъ правительство; объясните крестьянину, сколько нужно для безбѣднаго существованія священника, раскажите, что духовенство получаетъ содержаніе отъ *щедротъ* благочестивѣйшаго Государя Императора за то, что непрестанно возноситъ о Немъ и царствующемъ Домѣ мольбы предъ престоломъ Божіимъ,—и вы увидите дѣло обезпеченія священниковъ въ иномъ видѣ.

2) Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на обработку священническаго участка, какъ на прекрасную законодательную мѣру, которая не достигла своей цѣли только потому, что была постановлена безъ участія самихъ прихожанъ, помимо ихъ вѣдома. Дайте ей другую постановку, и мы увѣрены, что даже теперь, когда вообще въ крестьянахъ развито отвращеніе отъ обязательнаго труда, если они сами постановятъ обработку, она будетъ и назначена въ большемъ размѣрѣ и выполнится успѣшнѣе. Нѣтъ сомнѣнія конечно, что денежное пособіе въ этомъ случаѣ, какъ выгоднѣйшее для обѣихъ сторонъ, скорѣе будетъ принято.

3) На плату при требахъ мы смотримъ какъ на патріархальный обычай, освященный временемъ и вѣками, сломить который трудно и даже невозможно, какъ не заключающій въ себѣ ничего предосудительнаго, или оскорбляющаго нравственное чувство; но желаемъ дать этому обычаю другой видъ. Въ этомъ случаѣ мысль,—выраженная кажется въ „Православномъ Обозрѣніи“, вывесть среднее количество дохода, получаемое священникомъ въ годъ при требахъ, и затѣмъ постановить его нормою для ежегоднаго платежа не отдѣльными лицами при требахъ, а цѣлымъ обществомъ,—заслуживаетъ особаго вниманія.—Св. Г. С.

— Намъ кажется, что, оставляя діаконовъ на дьячковскихъ вакансіяхъ тамъ, гдѣ они необходимы и гдѣ общество можетъ дать имъ отъ себя дополнительное содержаніе, полезно бы на діаконскія штатныя мѣста въ многолюдныхъ приходахъ 1, 2 и 3-го классовъ опредѣлить священниковъ съ значеніемъ викарныхъ, такъ какъ извѣстно, что въ приходахъ этихъ священники весьма бываютъ затруднены исполненіемъ требъ въ великій постъ и въ праздники и нуждаются въ пособіи другаго священника при великопостной исповѣди, молитвословіи по домамъ, окропленіи домовъ св. водою и проч. Эти мѣста были бы приготовительными, подъ руководствомъ старѣйшихъ священниковъ, къ занятію потомъ настоятельскихъ мѣстъ въ самостоятельныхъ приходахъ, тогда какъ нынѣ молодые люди, тотчасъ по выходѣ изъ семинаріи, получая мѣста настоятелей приходовъ, впадаютъ по неопытности иногда въ ошибки, служащія не къ чести духовества и имѣющія для ихъ самихъ непріятныя послѣдствія на всю жизнь. Учрежденіе опять пономарей въ приходахъ 6 и 7 классовъ не составляетъ необходимости при умножающемся числѣ грамотныхъ поселянъ, въ которыхъ штатный дьячекъ всегда будетъ имѣть себѣ помощниковъ.—Нужно уничтожить не классы приходовъ, а распредѣленіе жалованья священническаго по величинѣ прихода; раздѣленіе самое приходовъ на классы необходимо даже епархіальному начальству при замѣщеніи вакансій болѣе или менѣе опытными и достойными лицами. Кромѣ того, полезно бы ввести

раздѣленіе самихъ священниковъ и протоіереевъ на классы, соотвѣтственно ихъ службѣ, какъ это принято въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ это постановлено и въ духовномъ вѣдомствѣ относительно архіереевъ и архимандритовъ, которые раздѣляются на три класса: первые по занимаемымъ каѳедрамъ, а послѣдніе по монастырямъ, а также и по личнымъ заслугамъ, за которыя имъ дается степень и высшая усвоенной занимаемому мѣсту. Безразличіе служебной дѣятельности не служитъ къ возвышенію самой дѣятельности.—Что маляры довели иконопись, особенно въ Кіевѣ, до профанаціи, приготовляя иконы неискусно и весьма спѣшно,—это вѣрно, и духовное начальство, испытавшее уже многія мѣры къ ограниченію небрежности иконописцевъ и невнимательности иконопродавцевъ, безъ сомнѣнія, прійдетъ къ необходидимости подчинить цензурѣ духовной иконопись, какъ подлежатъ ей эстампы и литографированныя св. изображенія; но предоставленіе продажи иконъ исключительно церквамъ и монастырямъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе послужило бы къ упадку самой иконописи, какъ средство весьма стѣснительное для искуства. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ упадкѣ иконописнаго искуства виноваты не столько бѣдные иконописцы, сколько торговцы иконами, находящіе для себя болѣе выгодною торговлю плохими по искуству иконами. *Ред.*

*Сельскія школы*. Въ Кіевскомъ Телеграфѣ пишутъ: „Часто случается видѣть и слышать, что крестьянскихъ дѣтей въ селахъ кіевской губерніи ведетъ или гонитъ староста цѣлой ватагой, часто въ морозъ, безъ теплой одежды, а за ними вслѣдъ идутъ отцы и матери; послѣдніе идутъ за тѣмъ, что надѣются на возможность освободить дитя отъ науки и школы. Изъ-за этихъ невзгодъ сколько бываетъ непріятныхъ разговоровъ между священниками и родителями!“

„Какъ извѣстно сельскія школы въ кіевской губерніи открыты и содержатся сельскимъ духовенствомъ. Вѣдомости о числѣ учащихся въ этихъ школахъ представляютъ блистательные результаты. Не ясно ли, что это постоян-

ное *увеличеніе* числа учащихся явилось результатомъ мѣръ, принятыхъ сельскимъ начальствомъ. Можно ли ожидать хорошихъ разультатовъ отъ этихъ мѣръ для дѣла народнаго образованія, кажется доказывать нечего. Плохую услугу приносятъ своему отечеству тѣ, которые въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго образованія, дѣйствуютъ не однимъ убѣжденіемъ, а принимаютъ репрессивныя мѣры.“

Весьма бы желательно знать, кто это пишетъ, и гдѣ ему случалось видѣть и слышать. Въ іюлѣ и августѣ прошлаго года, посѣтивши 170 сельскихъ школъ кіевской епархіи, мы ничего подобнаго не видѣли и не слышали. Репрессивныя подобныя мѣры видятся на яву и во снѣ только тѣмъ, которымъ не хотѣлось бы видѣть народное обученіе въ рукахъ православнаго духовенства, и для которыхъ весьма больно слышать о постоянно *увеличивающемся* числѣ учащихся. Къ сожалѣнію, эта ложь изъ кіевскаго телеграфа перешла и во многія столичныя газеты.

— *Таврическое Кирилло-Меѳодіевское училище.* Въ субботу 11 мая я имѣлъ счастіе присутвовать на одномъ такомъ торжествѣ, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Не вдаваясь въ разглагольствія, разскажу, какъ умѣю, о томъ, что мнѣ довелось видѣть. Извѣстно-ли жителямъ Петербурга, что близъ Смольнаго, на углу таврической и тверской улицъ, существуетъ училище для безплатнаго обученія бѣдныхъ дѣтей обоего пола? Училище это, основанное небольшимъ кружкомъ честныхъ людей, не имѣя никакихъ обезпеченныхъ средствъ, держится уже пять лѣтъ. Виною этому единственно безпримѣрная у насъ энергія и самоотверженіе его основателей, въ тишинѣ начавшихъ и безъ шуму совершающихъ свое христіанское дѣло. Училище это, называвшееся прежде таврическимъ, нынѣ переименовано въ честь великихъ и первыхъ просвѣтителей славянъ, въ Кирилло-Меѳодіевское. 11 мая — день, который посвящается церковію для празднованія этимъ свямымъ, и учредители школы воспользовались имъ для устройства скромнаго торжества въ стѣнахъ ея. Въ десятъ часовъ

утра они вмѣстѣ съ своими питомцами и потомицами, равно какъ и приглашенные гости, между которыми можно было замѣтить господъ—попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Делянова, помощника его Корнилова, слѣпца Ширяева, г. Лашкарева и нѣсколько дамъ, собрались въ церкви Ольгинской больницы для слушанія обѣдни. Изъ церкви всѣ отправились въ домъ школы, гдѣ отслуженъ былъ молебенъ святымъ Кириллу и Меѳодію; въ концѣ молебна было сказано священникомъ Головинымъ прекрасное слово о значеніи этихъ святыхъ для славянскаго міра. Во то время, когда, начиная съ учениць и учениковъ, всѣ прикладывались ко кресту, былъ раздаваемъ присутствующимъ изданный слѣпцомъ Ширяевымъ въ память тысячелѣтія славянской грамотности образъ св. Кирилла и Меѳодія. Потомъ распорядителемъ школы, барономъ Косинскимъ, было прочитано нѣсколько задушевныхъ словъ, приличныхъ обстоятельству и обращенныхъ преимущественно къ ученикамъ и ученицамъ; имъ же было прочитано письмо къ г-жѣ Кологривовой, тутъ присутствовавшей, въ которомъ всѣ сотрудники школы благодарили ее за ея теплое и дѣятельное участіе къ школѣ въ то время, когда матеріальныя средства послѣдней были въ особенно тяжеломъ положеніи. За тѣмъ г. Сафроновичъ прочиталъ отчетъ за всѣ пять лѣтъ существованія школы. Не полагаясь на память, воздержусь здѣсь отъ приведенія цыфръ изъ этого отчета, но скажу, что въ немъ встрѣчаются такіе факты, которые какъ нельзя краснорѣчивѣе говорятъ въ пользу школы и ея значенія; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ и весьма желательно, чтобы былъ опубликованъ. Изъ него вы узнали бы, что могутъ сдѣлать люди съ небольшими средствами, когда ихъ одушевляетъ глубоко прочувствованная дѣльная мысль. Въ настоящее время школа ежедневно посѣщается 40 мальчиками и 35 дѣвочками. Въ числѣ гостей мы видѣли нѣсколько гимназистовъ, которые считаютъ себя питомцами этой школы и теперь помогаютъ въ дѣлѣ обученія своимъ бывшимъ наставникамъ; кромѣ того, нѣкоторые мальчики поступали потомъ прямо изъ нея и въ другія

# ОБУЧЕНІЕ ЗАКОНУ БОЖІЮ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

*Письмо 7-е къ сельскому учителю-священнику.*

Говоря о разумномъ изученіи сvмвола вѣры въ нашихъ приходскихъ школахъ, не могу оставить безъ особеннаго вниманія ученіе для дѣтей о святыхъ таинствахъ, о которыхъ такъ мало и недостаточно знаютъ всѣ почти прихожане сельскіе. Почему мало и недостаточно? Потому, что не учатся съ самого дѣтства, а поученія въ церкви слышатъ объ этомъ рѣдко, и отрывочно. Они нерѣдко видятъ совершеніе таинствъ, иногда изъявляютъ благоговѣніе, когда приступаютъ къ принятію ихъ; но правильно ли всѣ понимаютъ значеніе каждаго таинства? какъ послѣ стараются сохранять въ себѣ спасительную силу таинства?

Нужно намъ, и очень нужно, чаще, при самомъ совершеніи таинствъ, вразумлять прихожанъ взрослыхъ, бесѣдуя съ ними о томъ или другомъ таинствѣ. Еще нужнѣе положить основаніе разумнаго и сердечнаго пониманія таинствъ въ дѣтяхъ, при обученіи ихъ грамотѣ и закону Божію. Какъ же это сдѣлать? какъ въ юныхъ умахъ и сердцахъ возбудить сознаніе важности и благотворности церковныхъ таинствъ?

Вотъ мое объ этомъ разсужденіе:

Первое, что мы должны внушать дѣтямъ — это любовь и уваженіе къ св. церкви, какъ общей духовной матери нашей, которая ученіемъ и таинствами воспитываетъ насъ, освящаетъ, совершенствуетъ. Божественные апостолы, благочестивые соборы, всѣ святые отцы, пастыри и учители, всѣ правовѣрные христіане, предавшіе и предающіе намъ, какъ драгоцѣнное наслѣдство, истинное ученіе

духовное и священныя таинства,—вотъ, скажемъ, собственно та святая Церковь, та Матерь, наставница и руководительница, которую мы обязаны паче всего чтить и любить, которой во всемъ должны повиноваться. Во тьмѣ языческой блуждали бы мы доселѣ, еслибъ она не распространяла богодарованнаго ей ученія; не были бы мы никогда чадами Божіими и наслѣдниками царствія небеснаго, еслибъ не сообщала намъ она богоучрежденныхъ въ ней таинствъ.

Какъ будемъ объяснять самое понятіе о таинствахъ? Будемъ держаться того же многознаменательнаго понятія о церкви. Какъ благодатное царство Господа Іисуса Христа, она всегда соединена съ Нимъ, какъ тѣло съ главою, и какъ глава оживляетъ всѣ члены тѣла, такъ отъ Іисуса Христа исходятъ благодатныя силы и исполняютъ всю церковь, и потому въ ней находятся всѣ органы и всѣ посредства благодатной жизни. Органами по преимуществу можно назвать апостоловъ и пророковъ, пастырей и учителей (Ефес. 4, 11), какъ нарочитыхъ служителей Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1). Къ этому строенію или икономіи таинъ и относится совершеніе таинствъ, какъ дѣло служенія и совершеніе святыхъ. Все потребное для духовнй жизни подаютъ намъ икономы Божіи. Потому таинства, установленныя Господомъ въ церкви, суть такіе источники различныхъ дарованій божественныхъ, которые нужно только открыть предписаннымъ отъ апостоловъ образомъ, и они всегда изливаютъ вѣрующимъ благодатныя силы.

Какъ объяснить значеніе и силу каждаго таинства? Опять на основаніи понятія о церкви или какъ духовной матери и воспитательницы, или какъ отечества нашего духовнаго, какъ царства на землѣ небеснаго, имѣющаго свой образъ управленія, свои средства и пособія для достиженія открытаго Господомъ нашимъ спасенія. Какъ духовная мать, церковь даетъ намъ жизнь духовную въ св. крещеніи, какъ воспитательница и руководительница, помогаетъ возрастанію и преспѣянію нашему духовному, укрѣпляя силы наши таинствомъ мѵропомазанія, духовно

питая въ таинствѣ причащенія, врачуя души наши, иногда и тѣла—въ таинствахъ покаянія и елеосвященія. Какъ управительница самой жизни чадъ своихъ общественной, она таинствомъ священства совершаетъ пастырей духовныхъ, и таинствомъ брака освящаетъ корень всей общественной жизни—союзъ супружескій. Трудно, скажутъ, все это понять дѣтямъ? Не трудно, только бы раскрыть въ нихъ истинное понятіе о церкви, единой, каѳолической и апостольской, чтобы они никакъ не представляли себѣ, будто церковь, въ которую, по ученію сvмвола вѣры, мы должны вѣровать, есть храмъ, называемый тоже церковію. (Какъ наприм. царствующій Домъ не есть дворецъ царскій, и когда молимся о *всей палатѣ ихъ*, не разумѣемъ палату вещественную, или строеніе).

Нужно ли дѣтямъ изъясненіе обрядовъ, сопровождающихъ совершеніе таинствъ? Очень нужно для лучшаго уразумѣнія того поученія, какое, при каждомъ таинствѣ, предлагается церковію. Такъ, не забудемъ указать на крестное знаменіе, столь часто употребляемое въ священнодѣйствіяхъ, какъ на печать Господню, какъ на сvмволъ всей нашей вѣры и научимъ дѣтей, съ какимъ чувствомъ должно намъ самимъ себя ограждать этимъ спасительнымъ знаменіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ покажемъ и различіе рукоблагословенія священническаго и общаго всѣмъ православнымъ христіанамъ знаменованія крестнаго.

Что, въ особенности, нужно изъяснять въ священнодѣйствіи крещенія?—У насъ мало обращаютъ вниманіе на значеніе тѣхъ словъ, какими крещаемые отрицаются сатаны и всѣхъ дѣлъ его и сочетаваются Христа. Объяснимъ, какіе это важные обѣты, данные нами предъ лицемъ церкви, предъ лицемъ неба и земли, обѣты оставить навсегда область тьмы грѣховной и житъ во свѣтѣ царства Христова. Покажемъ также значеніе помазанія елеемъ при крещеніи, чтобъ различить это помазаніе отъ мvропомазанія, совершаемаго послѣ крещенія; преимущественно же—значеніе трекратнаго погруженія тѣла въ святой водѣ, а потомъ трекратнаго же хожденія вокругъ купѣли, съ свѣтильниками. При семъ хорошо напомнить учени-

камъ о прохожденіи Израильтянъ чрезъ море и торжественномъ ликѣ ихъ на другомъ берегу пройденнаго моря, какъ образѣ нашего перваго таинства. Не забудемъ указать и на важность обязанностей воспріемниковъ, чтобъ дѣти уважали своихъ крестныхъ отцевъ и матерей, питали къ нимъ духовную любовь, и слушались, когда получаютъ отъ нихъ добрыя наставленія и замѣчанія.

Что означаетъ помазаніе св. мνромъ главныхъ членовъ тѣла, это довольно изъяснено въ катихизисѣ. При изъясненіи сего нужно снова показать различіе этого таинственнаго помазанія отъ всякаго обряднаго помазанія елеемъ, и между прочимъ отъ того, которое употребляется у насъ на всенощныхъ; ибо въ народѣ нашемъ какъ то ввелось обычаемъ называть и это послѣднее помазаніе *мνрованьемъ*.—Объяснимъ важное значеніе св. мνра, пріемлющаго, какъ извѣстно, высшее освященіе архіерейское.

Само собою разумѣется, что наиболѣе нужны объясненія тѣхъ священнодѣйствій, которыми сопровождается божественное таинство св. причащенія. Все что совершается на литургіи въ высшей степени важно и поучительно, а потому и должно быть объясняемо дѣтямъ. Будемъ это дѣлать и въ классѣ и въ церкви. Научимъ, когда что читается или поется, что воспоминается изъ обстоятельствъ жизни Спасителя, когда надобно проговорить за діакономъ или священникомъ какую молитву, когда можно приложить и свою молитву, даже какъ иногда поклониться. Все это нужно нашимъ прихожанамъ, чтобъ они не безсмысленно слушали литургію, и съ приличными чувствами смотрѣли на то, что совершается на столь важномъ богослуженіи.—Изъяснимъ, что значитъ св. престолъ въ алтарѣ, что жертвенникъ, иконостасъ, царскіе двери, какое значеніе кажденія, самыхъ облаченій церковныхъ и проч. Нѣтъ нужды объяснятъ это пространно и многословно, чтобъ дѣти могли вмѣстить въ своей памяти и удержать навсегда. Пусть будутъ знать, что имъ скажется,

такъ, чтобъ на краткіе вопросы, кратко же могли отвѣчать (*).

Священнодѣйствія при совершеніи покаянія не многочисленны и кажется такъ просты, что значеніе ихъ понятны всякому. Кающійся стоитъ предъ образомъ Спасителя или предъ Его евангеліемъ: всякій понимаетъ, предъ кѣмъ и кому онъ исповѣдуетъ грѣхи свои. И въ молитвахъ и въ увѣщаніяхъ священника слышитъ материнскій голосъ церкви: не все ли располагаетъ его къ искреннему исповѣданію и къ дѣятельному исправленію своего нравственнаго состоянія?—Одно хочу замѣтить, что не нравится мнѣ въ здѣшнемъ обрядѣ исповѣди: это прятанье головы исповѣдающагося подъ епитрахилью духовника. Для дѣтей, въ особенности, это не полезно, пусть лице кающагося будетъ открыто такъ же, какъ должно быть открыто его сердце. Открытое лице иногда лучше изъявитъ тайны сердца, нежели слово.

Говоря о врачевствѣ души въ таинствѣ покаянія, прилично указать и на другое церковное врачевство, какое подается болящимъ въ таинствѣ елеосвященія. Очень нужно при семъ отвергнуть тотъ предразсудокъ народный, будто елеосвященіе есть ничто иное, какъ ближайшее приготовленіе къ смерти. Покажемъ, какъ всѣ дѣйствія и молитвы, употребляемыя при совершеніи этого таинства, направлены къ укрѣпленію духа болящаго и изгнанію его недуговъ тѣлесныхъ, и что семикратное чтеніе слова Божія, какъ и семикратное помазаніе страждущаго елеемъ напоминаетъ о седмикратномъ обхожденіи крѣпости іерихонской, которое имѣло силу потребить эту твердыню зла.

Кратко раскажемъ и о совершеніи таинства священ-

---

(*) Желательно, чтобъ дѣти наши знали и полюбили всякое церковное богослуженіе. Для этого нужно, чтобъ они чаще участвовали въ чтеніи и пѣніи церковномъ. Хорошо вводить ихъ въ участіе и частныхъ, домашнихъ богослуженій и св. дѣйствій, наприм. когда въ домѣ ихъ совершаемъ молебенъ, паннихиду, и пр.

ства, т. е. какъ молитвою и рукоположенiемъ святителей низводится на посвящаемыхъ всесовершающая благодать Св. Духа. Изъяснимъ при томъ значенiе благословляющей руки пастыря, чтобы знали наши прихожане, что преподаваемое имъ благословенiе священническое всю силу свою заимствуетъ отъ достопокланяемаго имени Iисусъ Христова.

Нужно ли изъясненiе обрядовъ брака? Очень нужно прежде всего поставить на видъ святость этого таинства, совершеннаго первоначально самимъ Творцемъ въ раю невинности, совершаемаго Имъ же и нынѣ, въ раю, возращающемъ невинность. (т. е. новозавѣтной церкви); очень нужно для нашихъ прихожанъ, которые смотрять на бракъ какъ на домашнiй праздникъ и обыкновенно называютъ его *весельемъ*. Когда изъяснимъ значенiе церковныхъ обрядовъ и молитвъ брачныхъ, они должны уразумѣть, что здѣсь указывается не на веселье мiрское, а на радость пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, на чистоту и святость супружеской любви, на высоту званiя и важность обязанностей супружескихъ.

Вообще цѣль нашего ученiе о таинствахъ должна быть та, чтобы прихожане наши, и самыя дѣти, сколько можно, яснѣе понимали, какъ высоко званiе христiанина, освящаемаго таинствами, какъ выше это всякаго благородства земнаго—быть чадомъ Божiимъ, участвовать въ *царственномъ священствѣ* (1 Петр 2, 9), въ наслѣдiи живота вѣчнаго. Пусть сознаютъ они свое достоинство священное и стараются соотвѣтствовать ему и образомъ мыслей, и благоповеденiемъ всей жизни. Прочтемъ имъ и объяснимъ, какъ объ этомъ учили святые апостолы. Наприм. слова апостола Петра: *Вы родъ избранъ, царское священiе, языкъ святъ, люди обновленiя, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ* (l. с.) и дал. Или слова ап. Павла: *истина есть о Iисусѣ: отложити вамъ, по первому житiю, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ; обновлятися же духомъ ума вашего. И не оскорбляйте Духа Святаго Божiя, имже знаменовастеся въ день избавленiя* (Ефес. 4, 22. 23. 30), и дал.

## ЗАМѢТКИ и ИЗВѢСТІЯ.

— *Вѣрноподданническія чувства крестьянъ черкасскаго уѣзда.* (Изъ письма священника къ г. К.). 17 апрѣля, какъ извѣстно, день рожденія Государя Императора. Утромъ въ тотъ день явилось ко мнѣ нѣсколько человѣкъ моихъ прихожанъ, и просили отъ лица всего общества отслужить, кромѣ положеннаго по табели въ тотъ день Царскаго молебна, еще особенный предъ литургіею молебенъ Господу Іисусу о здравіи и благоденствіи Государя Императора, даровавшаго имъ свободу. Ты знаешь, съ какими чувствами вообще я отношусь къ подобнымъ явленіямъ, и можешь представить, съ какою радостію я встрѣтилъ это проявленіе чувствъ благодарности и вѣрноподданности въ моихъ духовныхъ чадахъ, чувствъ, которыя я старался всегда возгрѣвать въ нихъ. Молебенъ по желанію ихъ, съ сердечнымъ сочувствіемъ съ моей стороны, былъ отслуженъ при стеченіи народа, которое на этотъ разъ было особенно многочисленно съ выраженіемъ какой-то замѣтной торжественности. Послѣ молебна, я сказалъ поученіе приличное случаю. Послѣ того тутъ же въ церкви подошли ко мнѣ нѣсколько женщинъ, и отъ лица всего женскаго общества просили меня отслужить еще молебенъ Матери Божіей, чтобы Она „Заступница премилостивая сохранила Государя и Государыню въ здравіи и благоденствіи, а ихъ всѣхъ избавила отъ всякія напасти и вражіихъ навѣтовъ". Къ первому явленію я былъ нѣсколько подготовленъ, узнавши объ этомъ еще на канунѣ; но послѣднее, неожиданностію своею и характеромъ своего проявленія, тронуло меня до глубины души. Молебный гласъ въ Царицѣ небесной о Царѣ земномъ возносился отъ избытка умиленнаго сердца. Это уже не былъ обыкно-

венный молебенъ *заказный* (выраженіе не совсѣмъ приличное, но употребительное), но это былъ отголосокъ сердечной пѣсни къ Богу, возбужденной чувствомъ благодарности и сыновней преданности. Послѣ молебна, началась божественная литургія. Повторяю, что стеченіе народа при совершеніи какъ молебновъ такъ и литургіи было многочисленно. Кромѣ моихъ и многихъ успенскихъ прихожанъ, въ церкви были волостные старшины всѣхъ почти окрестныхъ волостей, вызванные на этотъ день въ Мошны начальникомъ уѣздной полиціи по особенному случаю, но такъ кстати явившіеся свидѣтелями и участниками столь отраднаго народнаго торжества. Изъ церкви все мѣстное общество, въ сопровожденіи и стороннихъ старшинъ, отправилось въ домъ волостнаго управленія, куда приглашенъ былъ и я съ причтомъ, и гдѣ предложено было всѣмъ по рюмкѣ водки и самая скромная сельская закуска за здоровье Государя Императора—виновника торжества. Начальникъ уѣздной полиціи, прибывшій въ это время изъ г. Черкасъ и заставшій народъ ликующимъ съ благожеланіемъ Царю освободителю, своимъ присутствіемъ видимо ободрилъ народъ, не привыкшій еще къ свободному проявленію своихъ чувствъ.

На другой день послѣ того, т. е. 18 апрѣля, я былъ въ с. Воробіевкѣ по должности. И здѣсь общество прихожанъ, узнавши о происшедшемъ на канунѣ въ Мошнахъ, гдѣ былъ ихъ старшина, обратилось ко мнѣ съ просьбою отслужить торжественный молебенъ Господу Іисусу о здравіи и благоденствіи Царя-освободителя ихъ и о сохраненіи ихъ отъ враговъ, готовыхъ посягнуть на ихъ благосостояніе. Эти обстоятельства описываю тебѣ такъ подробно потому, что онѣ достойны вниманія,—имѣютъ немаловажное значеніе, особенно въ настоящее тревожное время, въ виду враговъ, старающихся разными происками, неправдами, клеветою и обольщеніями подорвать въ народѣ довѣріе и преданность къ Государю и властямъ предержащимъ. По крайней мѣрѣ я придаю этимъ обстоятельствамъ высокое значеніе. Онѣ служатъ камнемъ преткновенія польской пропагандѣ, въ безумномъ ослѣпленіи раз-

учебныя заведенія. Школа эта есть истинное благодѣяніе для бѣдныхъ жителей своего околодка, и должна быть поддержана участіемъ всѣхъ, кому сколько нибудь дорого русское просвѣщеніе. Что она—явленіе не эфемерное, а заслуживающее полнаго довѣрія, тому лучшее доказательство въ томъ, что она уже существуетъ цѣлыхъ пять лѣтъ и что учредители ея, сколько можно видѣть, не устали и не хотятъ уставать отъ принятаго ими на себя труда. Затѣмъ появились стаканы и стопы съ медомъ и всѣ, вспоминая старинный славянскій обычай, пили его, этимъ заключилось торжество. Дѣти вмѣстѣ съ наставниками отправились въ домовый садъ, гдѣ встрѣтила ихъ полковая музыка и праздникъ принялъ чисто семейный характеръ. Все одушивилось, устроились импровизированныя игры. Тутъ можно было замѣтить, сколько взаимнаго довѣрія между учащимися и какъ просты и искренни ихъ отношенія другъ къ другу. Никакой натяжки, никакого принужденія.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить здѣсь то глубокое уваженіе, которое со дня праздника ношу я въ душѣ къ благороднымъ дѣятелямъ и дѣятельницамъ таврической Кирилло-Меѳодіевской школы и желаніе, чтобы примѣръ христіанскаго дѣла, поданный ими, нашелъ себѣ поболѣе твердыхъ послѣдователей, въ которыхъ такъ нуждается наша родина. П. М.

— *Новое открытіе фресковъ въ Кіевѣ.* Въ церкви Спаса на Берестовѣ, по снятіи двухъ масляныхъ слоевъ позднѣйшей живописи, открылись древнѣйшіе фресковыя изображенія, современныя св. Владиміру—создателю сего храма, бывшаго придворною его церковью. Фрески эти отличаются свѣтлымъ цвѣтомъ красокъ и особенною мягкостью тѣней; по замѣчанію о. Іосифа Жолтоножскаго, обновлявшаго фрески Кіево-софійскаго собора, фрески Спаса сходны съ фресками, найденными, на штукатуркѣ, въ развалинахъ Десятинной церкви. Не остается никакого сомнѣнія, что фрески уцѣлѣли подъ всею живописью Спасской церкви, какъ въ олтарѣ, такъ и въ прочихъ частяхъ храма, кромѣ придѣловъ. Пока открыты въ олтарѣ изобра-

женія святителей Меѳодія и Іероѳея, а въ средней части изображеніе св. Ефимія, отлично сохранившееся и принадлежащее рукѣ самаго лучшаго художника. Открытіе фресковъ произведено нашимъ кіевскимъ знатокомъ церковной живописи и художникомъ—священникомъ о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, по предложенію настоятеля церкви, протоіерея Петра Лебединцева, еще прежде, въ описаніи церкви Спаса на Берестовѣ, заявившаго свое убѣжденіе въ существованіи здѣсь фресковъ.

Если бы Богъ послалъ средства, мы увидѣли бы храмъ Спаса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при св. Владимірѣ, съ тѣми изображеніями, предъ которыми молился онъ и сыновья его св. мученики Борисъ и Глѣбъ. А въ Россіи есть ли что древнѣе этихъ изображеній, а потому и можетъ ли какая либо древность быть драгоцѣннѣе для нея?...

---

Печатать дозволяется. Кіевъ. 30 Мая 1863 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ Университетской типографіи.